

Е. Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 811.161.1(091)

ББК Ш141.12-03

КРЕАТИВНЫЙ ЧЕЛОБИТЧИК

Аннотация. Рассмотрение особенностей Послания в Кирилло-Белозерский монастырь Иоанна IV показывает сознательный выбор жанра челобитной, которая даёт возможность при соблюдении ряда маркёров делового языка свободно излагать содержание в индивидуально-авторском преломлении. Креативный потенциал челобитной позволяет Грозному обосновать необходимость его контроля над церковью, превратив формальную челобитную в закономерное постановление царя и великого князя всея Руси по вопросу двоевластия в Московском государстве.

Ключевые слова: челобитная, традиционный формуляр, маркёры делового языка, трансформация смысловой части, лингвокреативная деятельность Ивана IV.

Челобитная, оформившаяся из различных жалобниц в период XVI в., не имела строгого формуляра и представляла различные группы документов – мирские (от группы лиц), заручные (собственноручно подписанные), словесные (со слов челобитчика), изветные (о противоправных действиях), подметные (анонимные) и прочие, которые объединяло одно – обращение низшего по положению лицу к высшему с просьбой, жалобой, доносом или заявлением, обязательно оформленными как униженное прошение с соблюдением определённой трафаретности.

Как отмечают исследователи, содержание челобитной излагалось свободно, в соответствии с желанием автора [Алексеев 2013: 32], его воли, «и всегда непосредственно как отражение индивидуализма» [Тарабасова 1964: 160]. В связи с этим показательно мнение известного историка, составителя описи документов сибирского приказа Н.Н. Оглоблина, который утверждал, что «разнообразное содержание этих документов <челобитных>, вызванное самой жизнью и рисующих почти со всех

сторон жизнь <...> «челобитная» – составлялись населением вполне самостоятельно, свободно и независимо от административных влияний и вождения ... Для изучения народного мирозерцания ... челобитные народа представляют единственный в своем роде материал и более ценный, чем в келейных произведениях так называемой «литературы» этого времени... В челобитных слышится несомненный голос народа – более действенный и жизненный, чем в разного рода «сказаниях», «повестях» и т.п. ...» [Оглоблин 1900: 87].

Индивидуальное преломление практически всех сторон жизни в их конкретном личном восприятии определяло широту применения челобитной – от щемяще-безысходной *«хлеб померз, сеять, господин, нечего, и есть тоже нечего. Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мы между вами погибли»* [Челобитная] до наветов и требований получения должности. Многообразие содержания и авторской подачи скреплялось в челобитной только тем, что это было любое обращение принижающего себя просителя к более высокому по положению адресату при соблюдении прошитых через весь «документ» констант типа «государь / господин», «помилуй / смилуйся / окажи милость / пожалуй» в обрамлении трафаретных зачина и концовки.

Такие маркёры позволяли выдерживать формульный каркас делового документа, вливая в него неограниченные содержательные и индивидуальные возможности челобитных, которые оказались весьма востребованными XVII-XVIII вв. – от неповторимо-страстных челобитных огнепального протопопа [Бекасова 2015 б); Бекасова, Миронова 2015] до пародийного челобитья о нарушении «безпечального житья» монахов Калязинского монастыря. При этом номенклатурные параметры выдерживались настолько строго, что обусловили появление так называемого «статейного» списка «Калязинской челобитной», где текст был разбит на «пункты» в соответствии с законом Петра I от 5 ноября 1723 г. «О форме суда», где предписывалось «1. Как челобитные, так и доношения писать по пунктам, так чисто, дабы что писано в одном пункте, в другом того не было» [Полное собрание законов 1830: 147]. Как считает О.В. Никитин, такое

следование «формульным элементам традиционного приказного обихода», которые «вплетены в фантастическую картину с ирреальными героями», позволяет создать «деловой» каламбур [Никитин 2004: 7], что становится стержнем лингвистической пародии.

Однако первым использовал креативный потенциал челобитных царь всея Руси Иоанн IV Васильевич. Его знаменитое Послание в Кирилло-Белозерский монастырь по сути является челобитной, скреплённой соответствующими зачином и концовкой – «в пречистую обитель... и преподобному игумену Козьме, яже о Христе с братию, царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа Руси **челом бьет**» (162)² «А мы вамъ, господие мои и отцы, **челомъ биемъ до лица земнаго**» (192). Традиционный формуляр челобитья уже сам по себе представляет оксюморон, в котором сталкиваются противоречащие понятия – *бьющий челом до лица земнаго царь и великий князь всеа Руси*. Тем не менее, Иоанн Васильевич достаточно чётко на протяжении всего послания выдерживает челобитную специфику в плане возвеличивания адресата и уничижения автора, особенно в начальной её части: «Увы **мнѣ грѣшному!** Горе **мнѣ окаянному!** Охъ **мнѣ скверному!** Кто есмь азъ, на такуюю **высоту дерзати?** Бога ради, **господие и отцы, молю васъ, престаните от такового начинания. Азъ братъ вашъ недостоинъ есмь нарецися, ... тѣмже припадая честныхъ ногъ вашихъ стопамъ и миль ся дѣя ...** Ино подобаетъ вамъ, нашимъ государемъ, и насъ, заблуждшихъ во **тѣмъ гордости и сѣни смертнѣ, прелести тщеславия, ласкордства и ласкосердия, просвѣцати. А мнѣ, псу смердящему, кому учити и чему наказати и чѣмъ просвѣтити?»** (192).

Целостность формуляра достигается за счёт 16 раз повторяющихся маркёров челобитной в обращении к «вышестоящим»: *господие (мои) и отцы, отцы святии / отцы святии и*

² Здесь и далее даются страницы в скобках по: [Послания 2005]

преблагении / отцы преподобнии. На этом фоне выделяется встреченное в начале текста единственное обращение *наши государи*. Предполагаем, что свойственное челобитным наименование адресата как *государь* и *господин* сознательно избегается в Послании, поскольку в нём также нет ни одного случая употребления просительных формул типа *пожалуй* и *помилуй*. Всё это свидетельствует, что перед нами и по форме и по содержанию особая челобитная – некая её «перевёртка» [Словарь 1988: 216], к тому же направленная в ответ на жалобу братии с Кузьмой, что обуславливало её постановляющую часть: дело государя – казнить или миловать своих «отцов».

Однако выбор встречной челобитной также неслучаен: это был важнейший вопрос власти внутри государства. Безусловно, власть для Ивана IV была основой всей его жизнедеятельности, но ему недостаточно было просто властвовать – необходимо было обосновать право власти во всех её проявлениях: от своего родо-словия до своего само-державия. По сути, Иван Васильевич был заложником того бремени власти, которое он на себя возложил и вынужден был нести. Он не сомневался в данности своей беспредельной власти, но это надо было напомнить одним или уверить других, поэтому в каждом из дошедших до нас его сочинениях главной мыслью является власть – монополия на неё и свой приоритет в ней. Это обуславливает наличие казлось бы излишних – «широковещательных и многошумящих» (А. Курбский) – подробных обоснований своего «благочестия корени» от императоров Костантина Великого и Августа Кесаря до своего отца: *«родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрасте воцарихомся божиим повелением»* (10). Заслуги предков – великого крестителя Владимира, великого князя Владимира Мономаха, храброго великого государя Олександра Невского, достойного великого Дмитрея Донского, обретателя прародительства земель деда Иоанна и отца, великого государя Василия, – и высокая образованность дают основание Ивану Васильевичу стоять выше европейских королей, у которых явлены изъяны. В своих посланиях к ним Иоанн IV всегда напоминает их «болевые» точки – от «чистоты» крови (*«польская королевна за конюхом была»* (159) до недостойного поведения предков (а

предки твои <Стефана Батория> вси сего того дожидались на своих на столечных местех, а не в ратном походе, ни на пограничных местех» (235); «себе найди такового же страдника, каков еси сам страдник <Иоганн III>, да с ним и перелаивайся» (159–160) и под.). Грозному есть что предъявить и английской королеве Елисавете по поводу сомнительности её «скифетродержания» – «А ты пребываеши в своем девическом чину, как есть пошлая девица» (142), которую интересуют только «прибытки», как «мужиков торговых», а не честь государева, а потому «Московское государство покаместо без англинских товаров не скудно было!» (143).

Но от Бога «царствующий царь», утверждающий, что «божества милостию и благоволением и волею и дастся нам скифетродержание в Российской земле» (201), должен придерживаться сложившихся традиций сущности и функций богоданной власти на Руси, которая выстраивалась на оси «царство выше священства» / «священство выше царства». Проблема баланса двух полюсов власти по-разному рассматривалась и решалась обеими сторонами, но церковники были идеологически и в какой-то мере публицистически более сильны. В частности, Иосиф Волоцкий, борец за привилегии официальной церкви, был настолько авторитетен, что «при Иване IV считался почти официальной фигурой» [Послания 1959: 96]. С одной стороны, он ратовал за приоритет церковной власти, поэтому позволял себе даже в просительных челобитных поучать князей и разъяснять их миссию, в том числе и отца Ивана Грозного – Великого князя московского Василия III: «Вам же подобает приемиши от Вышняго повеления правленья человеческого рода, православным Государем царем и князем не токмо о своих нещия и своего точию жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невредимо; и бояться серпа небснаго и не давати воля злотворящим человеком, иже душу с телом погубляющим» [Послания 1959: 230]. С другой стороны, при утверждении священства как первичной власти, Иосиф Волоцкий признаёт, что «тебе бо, государю, от господана дана бысть держава и сила от вышняго. Тебе бо, государю, от господана бог избра в себе место, поставил на твоём отечестве,

милость и живот положи у тебе»: «царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть вышнему богу» [Послания 1959: 235].

Однако Иоанну IV было необходимо определиться в специфической иерархии власти Московского православного государства, но при этом установить некую вертикаль власти, в которой можно было опереться на авторитет церковных иерархов. Прежде всего это касается церковных учителей и наставников, от которых надо просвещаться и кем надо утверждаться, поскольку *«свет иноком ангели, свет же миряном иноки» (162).*

Великий самодержец, являясь мирянином, может оступиться в духовных и церковных делах, но он должен наставляться великими учителями, поскольку *«несмь бо человека без греха, токмо один бог» (14).* Разделение царской и церковной властей в разных сочинениях многократно утверждается Иваном Васильевичем со ссылками на Святое писание и исторические прецеденты, начиная с Моисея, которого Бог поставил владеть людьми, но не священствовать, – *«ино же святительская власть, ино царско правление» (27).* Но данность от Бога власти над людьми, требовала и со-подчинения, хотя уже в первом послании А. Курбскому Иоанн IV перечисляет, как *«тамо быша царие послушны епархомъ и синклитомъ, и в какову погибель приидоша»,* поскольку *«ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пеущия; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общемъ житии сожитие, ино же святительская власть, ино царско правление» (27).*

Таким образом, выбор формуляра челобитной, несмотря на то, что в данном случае она представляла ответ на челобитную, не случаен – Ивану Васильевичу важно было подчеркнуть значимость церкви в его православной державе, заручиться поддержкой отнюдь не Козьмы с братию, но всего сонма христианских святых и обосновано влить церковь в официальную идеологию выстраиваемого им самодержавия.

При этом в Послании в Кирилло-Белозерский всё было тщательным образом продумано: *«знаток приказного делопроизводства»* Грозный в этом случае не столько *«великолепно умел подражать формам различных документов» [Шмидт 1958: 265],*

поскольку это было его «должностными обязанностями», сколько использовать их в своих целях. При этом считаем нужным подчеркнуть, что именно челобитная предоставляет Ивану Васильевичу уникальную возможность довести ситуацию до абсурда и выдать свой вердикт выхода из неё. Начав с традиционных, жанрово обусловленных формулировок превозношения адресата – Козьмы с братию – и собственного самоуничижения, Иван Васильевич вначале отказывается от просимого «учительства» в отношении иноков, однако именно в этом и состоит его главная стратегия низложителя [Бекасова 2015 а): 265], действующего в соответствии с ветхозаветной мудростью: «Низврьже брань на языки и низложениемъ низложи» [Словарь, в. 11: 372]. В итоге «челобитная» направлена на доказательство того, что среди современников Иоанна Васильевича нет достойного иерарха, поэтому миссия учить, наставлять и просвещать возлагается на царя и великого князя всея Руси, потому что «богом возмогаем». В результате после всех челобитных «книксенов» Иван Грозный предстаёт как один из Отцов церкви, поучающий в современных условиях «ослабы» иноческого жития. Изложение тщательно продуманного и приведённого в строгую последовательность собственного учения, затрагивающего отношения царской и церковной власти с библейских времён до нынешнего запустения благочестия в российских монастырях, выстраивается как на скрупулёзном цитировании текстов священного писания и патристической литературы, так и на великолепно срежиссированных сценках по церковным источникам и собственным воспоминаниям.

Яркие эпизоды типа *«Надобе четки не на скрижалехъ каменныхъ, но на скрижалехъ сердцеъ плотянь! Я видаль по четкамъ матерны лають!»*, сконцентрированные в конце послания, представляют картину того, что *«благочестие не потребно, а нечестие любо»*, причём, как утверждает Иоанн IV, *«сия мала от многихъ изрекохъ вамъ любви ради вашаея и иноческаго для жития, имже сами множае насъ вѣсте»*. Поэтому *«намъ к вамъ болши того писати невозможно, да и писати нѣчего, уже конецъ моихъ словесъ к вамъ. А впередъ бы есте о Шереметеве*

и о иныхъ о безлѣпцахъ намъ не докучали: намъ о томъ никако отвѣту не давати».

Великий царь и князь Иоанн IV освобождается от «безлепц» монахов, вынося и тем и другим окончательный вердикт:

«Впередъ о томъ не докучайте: воистинну ни о чемъ не отвѣчивати» (192).

Важно подчеркнуть, что в этом случае мы имеем дело с глагола *отвѣчивати* по русской модели, которая в памятниках древнерусской письменности [Бекасова 2016: 28-29, 73-74] специализировалась исключительно на значении ‘быть ответчиком на суде’ [Словарь, в. 13: 198], что с учётом ранее использованного сочетания *«отвѣту не давати»* (‘ответ на челобитную’, ‘решение, заключение по какому-либо делу’ [Словарь, в. 13: 198]), даёт основание считать, что перед нами на самом деле решение государя по челобитной, в которой он в силу установившегося «двоевластия» одновременно является и ответчиком и судьёй.

На наш взгляд, этом случае мы имеем дело с установленными Т. А. Гридиной «операциональными механизмами языковой игры», которые «отзеркаливают заложенные в системе возможности» и «реализуют стратегию моделирования нестандартного ассоциативного контекста восприятия игры (игровой трансформы) на фоне опознавательного прототипа» [Гридина 2016: 84]. Использование потенциальных возможностей приказного языка, в первую очередь челобитной с её достаточно свободной содержательной частью, жанрово маркированной этикетными зачином, концовкой и прошивками с повторами-обращениями, достаточно эффективно оборачивается ответом на челобитную, который имел статус судебного постановления, особенно если речь идёт о челобитье великому государю.

Приняв челобитную Козьмы с братию, Иоанн Васильевич, по своему государеву долгу, как и было положено по деловому формуляру, «вразумел» [Послания 2005: 13, 233] и разобрал её по каждому пункту, указав на главное – падение церковных устоев и церковной власти. В связи с этим неопровержимые доказательства из святого писания, поучений отцов церкви, истории

русской церкви и личных впечатлений, дают основание Ивану Васильевичу определить государственную проблему – истребление благочестия, которую должен и может решить только великий царь и князь всея Руси. Решение вынесено, и Иоанн IV велит «*по сложнямы разумѣть*» свой ответ-постановление, адресованное всем своим подданным. Об этом свидетельствует тот факт, что Козьма с братию в конце переворотной «челобитной» не только не именуется святыми отцами, но и под прессингом местоимений типа *вы* полностью теряют свою сущность, превращаясь в безликую массу, что позволяет Иоанну IV выйти с обвинениями ко всему иноческому чину – разорителям святых законов, и утвердить свою законную власть над церковью.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории русского литературного языка в России. – СПб., 2013.

Бекасова Е. Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник. – Вып. 4 // Материалы Всероссийского семинара с Международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2015 (а).

Бекасова Е. Н. О языке челобитных царю Федору Алексеевичу протопопа Аввакума и Игнатия Соловецкого // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2015 (б). № 13.

Бекасова Е. Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний) / монография. – Врно, 2016.

Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Образ автора и собеседника в челобитных протопопа Аввакума // Коммуникативные процессы в образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 13–14 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Красноярск, 2015.

Гридина Т. А. Словесные эксперименты Игоря Северянина: игра в поле языковых возможностей // Уральский филологиче-

ский вестник. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2(25) : Материалы Междунар. научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 22-23 апреля 2016 / Гл. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург, 2016.

Никитин О. В. Деловая письменность XVIII в. как объект лингвистической пародии // XXXIII Международная филологическая конференция: 15-20 марта 2004 г., Санкт-Петербург. Вып. 13: Историческая лексикология и лексикография (русско-славянский цикл), Ч. 2. – СПб., 2004.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным. – М., 1900. (Из «Чтений в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те»).

Полное собрание законов Российской империи. Т. 7 (1723-1727 гг.). – М., 1830.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачёва и Я. С. Лурье, под ред. В. П. Андриановой-Перетц (репринтное воспроизведение издания 1951 г.). – СПб., 2005.

Послания Иосифа Волоцкого / подг. текста А. А. Зимина, Я. С. Лурье. – М.-Л., 1959.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11 (Не-Нятый). – М., 1986.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13 (Опась–Отрабатыватися). – М., 1987.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. (Отрава – Персона). – М., 1988.

Тарабасова Н. И. О некоторых особенностях деловой письменности // Источниковедение и история русского языка. – М., 1964.

Челобитная от шижнян и братиловичей к Якову (№ 361) // Древнерусские берестяные грамоты // <http://gramoty.ru/index.php?no=361&act=full&key=bb>

Шмидт С. О. Заметки о языке Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. – М.; Л., 1958.

©Бекасова Е.Н., 2018